

ший в области оснований математики и стоящий на традиционных материалистических позициях, признает, что «жизнь была бы гораздо приятнее, не будь гильбертовская программа потрясена открытиями Геделя», но считает, себя обязанным «сопротивляться огромному эстетическому соблазну платонизма» (3, с.176). «Эта теорема является величайшим препятствием для любой попытки понять природу бесконечных множеств... Именно это лежит в основе моего пессимистического мнения о том, что любое техническое достижение не прольет света на основные философские проблемы» (3, с.171). Мнения других известных математиков по поводу гносеологических следствий теорем Геделя не менее впечатляющи. Но даже эти, поистине драматические для нашего мировоззрения события не побудили нас к кардинально новому осмыслению базы любой философии – философии числа. Общий пафос работ по философии и методологии математики, касающихся данных проблем – сохранять спокойствие. Пессимизм или «идеалистическое» истолкование результатов Геделя считаются признаком дурного тона и дилетантизма (сам Гедель при таком подходе составляет едва ли не единственное досадное исключение). Так что мы продолжаем в нашем преподавании (а значит и в воспроизводстве) математики стоять на позициях гильбертовского формализма, правда, в отличие от того же Козна, уже без неприятного для нас упоминания, что это – «не от хорошей жизни». Принудительная сила новоевропейской рационалистической парадигмы оказалась поистине безграничной. Положение усугубляется еще и твердым убеждением ученых-естественников, что постановка метафизических проблем не только не дело науки, но мешает самой науке. Это убеждение – рецидив все той же парадигмы и восходит непосредственно к Ньютону.

Представляется, что без новой полноценной философии числа мы не обойдемся. Поразительно, но работа по выработке такой философии, позволяющей с единой точки зрения охватить не только современную физическую картину мира, но все стороны нашего бытия, была предпринята в одиночку последним из яркой плеяды русских философов (к которой принадлежит и Н.Н.Страхов). Речь идет об Алексее Федоровиче Лосеве и его наконец-то изданных работах, из которых «Античный космос и современная наука», а также «Хаос и структура», ближе всего к рассматриваемой теме. Попытка эта беспрецедентна и удачна, в ее основе – возврат к античному пониманию числа как величины. Оказалось, что все новейшие открытия естественных наук вполне согласуются с таким пониманием и, более того, оно даже позволяет предсказывать эти открытия (неархимедов анализ). Однако, для действительно серьезного освоения его идей (а не модной ссылки на них), нужна солидная подготовка в области гуманитарных и естественных наук одновременно. Строгая дисциплина его ума противоречит легкомысленному духу нашего времени с его всеядностью и эклектизмом. Но вряд ли возможны легкие пути выхода из нынешнего глубокого кризиса.

Литература

1. Флоренский П. Сочинения в четырех томах. – М., 1994-1996. Т.1.
2. Князева Е.Н., С. П. Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И.Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – № 12.
3. Козн П.Дж. Об основаниях теории множеств // Успехи математических наук. – 1974. –Т.29. – Вып. 5.

Н.Н. Жалдак
(БелГУ, Белгород)

Изобразительное построение – необходимое условие логики как метода познания действительности

Виды теоретической необходимости утверждений различаются по тому, каков объект теории. Любой из видов необходимости – это необходимость следования из основания. Однако основания могут быть разными: 1) информация об объекте, каковым является

ся чувственное восприятие объективной реальности; 2) информация об объекте, каковым является естественный язык с теми значениями его знаков, которые придаются в массовом общении; 3) информация об объекте, каковым является отдельный искусственный формализованный язык или система таких языков; 4) информация об объекте, каковым является неформализованный, но искусственный со стороны знаков или придаваемых им значений.

Теории силлогистики в современной чисто символической логике зачастую полностью отрываются от образов, опосредствующих связь символов с действительностью. Интерпретация, даваемая категорическим суждениям (А, Е, I, О) большей частью формализованных символических силлогистик, заведомо искусственна, то есть, непригодна для спонтанного формирования понимания значений логических средств языка. Но тогда какая из интерпретаций не искусственна? На это вопрос надо отвечать именно путем социолингвистических исследований, ибо речь идет о естественном языке как средстве массового общения. Узнать о том, какие значения люди вследствие исторического спонтанного процесса стали придавать словам, можно только от этих людей. Приписывать же, из гносеологических соображений, словам искусственные значения значит превращать искусственный язык в более или менее искусственный.

Избрав объектом исследования естественный язык, нельзя совершать логическую ошибку подмены обсуждаемого объекта. Критерием истинности интерпретации А, Е, I, О должно было бы быть не произвольное построение систем силлогистики, хотя бы и удовлетворяющих тем или иным критериям символической логики, а обращение, во-первых, к практике массового общения на естественном языке, а, во-вторых, к тому уровню мышления, на котором алогизм корректируется практической невыполнимостью действий, соответствующих неправильной интерпретации. Правила, (законы) логики выступают при таком обращении как составляющая символических моделей, соответствующих чувственному опыту и действительности. Соответствие действительности, как она дана в практическом опыте, становится при этом критерием истинности логических построений. Мы не исключаем того, что такой подход может быть эффективным до определенных границ, что в качестве научного принципа он приложим лишь к ограниченному множеству случаев. Однако мы считаем вполне оправданным интерес к тому, до каких пределов такой подход реализуем и с каким эффектом, с какой результативностью. Речь идет о том, что в некоторой области существует, даже не произвол в оценке соответствия символических моделей по отношению к действительности, а просто некоторое безразличие к этому отношению, тогда как указанный подход дает критерий различения между гипотетически допустимым и теоретически необходимым по отношению к практическому опыту. Субъект активен и не пассивно отражает действительность, а моделирует ее при помощи искусственных символических языков. Но это ставит проблему: какая и насколько произвольность символических построений в логике оправдана этой активностью или что является критерием теоретической необходимости одного из альтернативных построений и отсутствия такой необходимости у альтернативных построений (систем исчислений). Практика для своей успешности нуждается в практической логике, которая не отчуждает себя от практического опыта ни явно, ни неявно.

Символическая логика ставит своей задачей получить непротиворечивую и согласованную допустим с классической логикой предикатов или булевой алгеброй интерпретацию суждений естественного языка. Суть подхода – если так-то и так-то интерпретировать, то получится система так-то согласуемая с такими-то логическими исчислениями. Вопрос о том, как эти суждения интерпретируются самими пользователями естественного языка, как бы теряет значение.

Силлогистика все же является разделом логики, ближайшим к логике естественного языка. По крайней мере, она непосредственно оперирует логическими формами суждений, выраженными на естественном языке.

Нельзя довольствоваться видимостью того, что речь идет вроде бы об одном и том же. В действительности, одному выражению естественного языка «логической форме ат-

рибутивного суждения» приписываются разные значения. При этом складывается интересная ситуация. Естественный язык, поскольку на нем сформулированы А, Е, I, O выступает как язык объект по отношению к искусственному языку логики, на котором описываются значения этих предложений естественного языка, с другой стороны естественный язык вместе с формулировками А, Е, I, O выступает как всеобщий метаязык логики. Язык – это набор знаков (символов) лишь в том смысле, что объекты, которые служат знаками, связаны с определенными значениями. Что естественный язык сам по отношению к себе может быть и языком-объектом и метаязыком это, в общем, ясно, в данном же случае он выступает для исследователей силлогистики именно в формулировках А, Е, I, O и как язык-объект и как метаязык. Различие переводов на язык логики предикатов, простейшие выражения которой однозначны, означает, что значения, приписываемые А, Е, I, O разными логиками различны. Одни желают обозначать некоторым выражением – одно, другие – другое. Следовательно, в части формулировок А, Е, I, O, по крайней мере, у них нет общего языка-объекта как совокупности знаков, имеющих значения, но также нет и общего метаязыка. Обсуждаемое выражение естественного языка при этом выступает в языках разных субъектов всего лишь как омоним. У них не только разные языки-объекты, но у них нет и общего естественного языка, как метаязыка логики.

Возможны варианты подходов к изобразительной интерпретации символических выражений:

1. Изобразительная интерпретация символических выражений может быть дана, но не дается и не учитывается. Непосредственный объект логической теории при этом искусственный символический, но не естественный язык и не действительность, познаваемая посредством языка.

2. Интерпретация дается согласно мнению отдельного субъекта (индивида или небольшого сообщества), т.е. интерпретация искусственна. В этом случае объект исследования – язык естественный по символике, но искусственный по значениям символов. Такая логика, как правило, не может быть методом познания внеязыковой действительности, так как бедна по отношению к фактической логике естественного языка. Объект ее познания – искусственная модификация фрагмента естественного языка.

3. Определяется «естественная» интерпретация. Объект познания в этом случае естественный язык как средство познания внеязыковой действительности. В рамках такого подхода невообразимость, образная непредставимость значений является показателем бессмысленности или, по крайней мере, практической неприменимости той или иной интерпретации.

*А.Е. Таранова
(БелГУ, Белгород)*

Ценностные ориентации различных слоев российского общества

Проблема современных российских ценностей является предметом изучения разных социологических исследований как внутри нашей страны, так и за ее пределами. Это продиктовано тем, что по специфике ценностных ориентаций любого сообщества можно судить об особенностях социальных процессов, протекающих в нем, о темпах и глубине структурных изменений и характере общественных отношений. Поэтому от смены ценностных ориентаций российского общества зависит не только вектор экономического, политического и общественного развития страны, но может повлечь за собой и геополитические последствия.

Вопросами изучения ценностей занимаются психология, философия, социология, но только последняя может более конкретно ответить на вопрос: Что же происходит в российском обществе в переломный, переходный период, в период ломки одних стереотипов и замены их на другие, часто чуждые психологии нации, и, что самое страшное, часто на-